

О том, что в конце октября 2014 года предстоит поездка в составе российской делегации книгоиздателей на Белградскую книжную ярмарку, я узнал на ярмарке Московской. Тогда же краем уха услышал, что Белградская по масштабам и организации превосходит Московскую, но не придал этому значения. Ну что, подумал, может быть крупнее ярмарки Московской, спонсируемой далеко не бедной страной (судя по затратам на Олимпиаду в Сочи, например), в какой-то небогатой, в двадцать раз меньшей по числу населения (не говоря уж о территории) Сербии? И что же?..

Впрочем, всё по порядку.

Это была уже вторая моя поездка на Европейскую книжную ярмарку. Первая — на одну из крупнейших в мире — осуществилась в октябре 2013 года в составе такой же делегации во Франкфурт-на-Майне. И масштабы действительно впечатали. По сравнению с Франкфуртской Московская совершенное убожество. И это понятно: книги — не олимпиада в Сочи, и уж тем более не предстоящий чемпионат мира по футболу.

Все это горестно наблюдать особенно на нынешней волне подъёма патриотизма. Что ж, может, и в самом деле только в здоровом теле здоровый дух, но ведь и в советское время спорту уделялось не меньше внимания, только в отличие от мнения уважаемого Владислава Третьяка считаю, что хоккеем это ещё далеко не вся «русская идея», о которой он в запальчивости брякнул после победы на чемпионате мира в 2012 году при встрече с президентом. Прямо-таки и огорошил: «Какая ещё нужна русская идея, Владимир Владимирович? Вот она, во-от!» И следующий же чемпионат, а затем и Олимпиаду в Сочи позорно продули. Да и на что гонять по льду, подобно шайбе, понятие, над которым бились лучшие умы России, начиная со славянофилов и Достоевского (если не считать монаха Филофея с его пресловутым «третьим Римом») и завершая Иваном Ильиным, выразившим это понятие такими проникновенными словами:

«Как бы ни были велики наши исторические несчастья и крушения, мы призваны самостоятельно быть, а не ползать перед другими; творить, а не заимствовать; обращаться к Богу, а не подражать соседям; искать русского видения, русских содержаний и русской формы, а не ходить в кусочки, собирая на мнимую бедность. Мы Западу не ученики и не учителя. Мы ученики Богу и учителя сами себе. Перед нами

задача: творить русскому самобытную культуру — из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом — смысл русской идеи».

Но, как говорится, всё познается в сравнении.

Масштабом Франкфуртской ярмарки, повторяю, я был поражён, но только Белградская побудила меня вознести «хвалу» (благодарение) целому народу.

Из Шереметьева вылетали в семиградусный мороз — из Нижнего Новгорода отбывал в мороз четырнадцатиградусный. Утро было ясное. Делегация наша состояла из одиннадцати человек. Географически: Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Волгоград, Чебоксары, Екатеринбург. Перед посадкой в самолёт обменялись визитками (лично я многих видел впервые). В аэропорту Белграда нас должна была встретить посольская машина. Стрелки часов в этот день перевели на час назад, да ещё разница во времени с Белградом в два часа, и это мы вскоре ощутили...

Во время полёта двое молодых издателей (лет 35-ти) из Москвы и Волгограда, сидевшие рядом со мной (я у иллюминатора), оживленно обсуждали состояние современной литературы. Особенно сетовал издатель из Волгограда, Михаил Гринин, зам. директора издательства «Учитель», отпрыск потомственных учителей и профессоров. Он сетовал на то, что дети совершенно разучились читать, практически все «сидят в айфонах и компьютерах», что электронная книга вытесняет печатную... Обстоятельство это представлялось ему безнадежным. Его сосед, представитель издательства «Молодая гвардия», согласно кивал в ответ.

Обо всём этом и я не раз думал, в том числе и по поводу «толстых» литературных журналов, которые, как некогда Пушкина, который год пытаются сбросить с корабля современности, предлагая взамен, что и молодежи — неуправляемый хаос медийного пространства. Всех инакомыслящих очередные разрушители до основания «старого мира» (за всю историю, кстати, не давшие ничего взамен) считают чуть ли не мамонтами. И почему-то никому из этих поборников прав и свобод в голову не придёт, что было бы всё-таки человечнее подождать, когда мамонты вымрут сами, а не загонять их насильно (подобно американцам в свою демократию) в медийное пространство, как в резервацию.

Что относительно книг, не думаю, что читать стали меньше, а вот качество издаваемой продукции действительно заметно упало. Но куда в более плачевном состоянии пребывает писательское сообщество. За исключением единиц, иного пути, как в литературное рабство, или в ту же резервацию (писание для интернета или в стол), у большинства просто-напросто нет.

Как с этим обстоят дела в Сербии, я ещё не знал, а вот о собратях по перу думал. Да, было время, когда можно было писать не спеша, основательно и не за одно спасибо, что напечатали. Писатели были востребованы, с ними регулярно устраивали встречи на производстве, в библиотеках, учебных заведениях, и каждое выступление оплачивали либо через Литфонд, либо через общество «Знание». На это можно было пусть и не богато, но всё-таки жить. А главное, каждый был уверен, что очередная его книга не только увидит свет, но и будет достойно оплачена и распространена. А что относительно того, кто их читал, так об этом уже было сказано выше: ходи, выступай и обрящешь своего читателя. А теперь разве не так? Но всё это, как говорится, в застойном прошлом...

Когда через два часа пошли на снижение, показались оранжевые черепичные крыши, Балканы с покрытыми снегами вершинами.

Внимательно всматриваюсь вдаль в ожидании уличезреть обычный европейский мегаполис (тогда я ещё не знал, что в Белграде всего миллион двести жителей). И ничего подобного. Какой-то провинциальный городишко, с теми же черепичными крышами, чем-то до удивления напоминающий родной Нижний.

Приземлились. Весьма скромный по столичным меркам аэропорт. Статуя местной знаменитости перед фасадом — Николы Теслы. Аэропорт носит его имя.

Нас встречает посольский микроавтобус. Убираемся все. Прошу уделить мне место рядом с водителем, чтобы снимать — со мной неизменная в подобных вояжах камера.

Первое, что бросается по дороге в глаза, — огромная реклама: «Сунчаница» («Солнечный удар» по-сербски»). Буквально две недели назад тут прошла премьера фильма. Попутно припоминаю скудную полемику по его выходу (куда больше разговоров было до его появления на экранах). В который раз задумываюсь о том, а что же всё-таки мы потеряли, какую именно Россию, и каким образом это отражено в фильме? Что Сербия стала одним из пристанищ «белых» изгнанников, я знал и до объяснения главного режиссера, почему именно в Сербии состоялась премьера. Братский народ в «окаянные дни» приютил до сорока тысяч беженцев. И даже предоставил возможность Врангелю создать РОВС (Русский Общевоинский Союз), обеспечив его членов пайком и небольшим жалованием за счёт казны, не побоявшись тем самым нажать грозного врага в лице страны советов. И за это, и за всё остальное братьям-сербам низкий земной поклон...

И всё-таки, что мы потеряли и кто во всём этом виноват?

К сожалению, фильм не даёт ответа, хотя, вроде бы, и претендует. Сюжет одноименного рассказа уместился на трёх страницах. Офицер встречает на пароходе молодую женщину. Подобно смерчу, подхваченные обоюдным желанием, оба сходят на первой же пристани, едут в гостиницу, всё, что в таких случаях бывает, между ними происходит, она уезжает, он остаётся и только после того, как отчаливает пароход, начинает понимать, что с ним произошло нечто большее, чем «забавное приключение». Рассказ сжат до предела, в фильме, напротив, довольно подробно изображается возникновение этого стихийного чувства, которое не зря же названо «солнечным ударом». В рассказе никакой к тому подготовки нет, удар он и есть удар, вся суть его в необъяснимости и внезапности возникшей страсти. Но создателю фильма, очевидно, хотелось донести до зрителя колорит эпохи. Временные планы постоянно чередуются: прошлое — настоящее. Перед потоплением баржи по распоряжению железной Землячки и мадьярского извращенца Белы Кун между обречёнными белыми офицерами идут разговоры о том, что они сами во всём виноваты.

Но в чём именно, и потеряли всё-таки что?

Судя по событийному ряду — лапотную, картузную, кафтанную, пароходную, извозчичью, дворянскую и тому подобную Русь. Да неужели же, не случись революции, осталась бы она такой? И в чём, собственно, вина самого офицерства?

Православие, например, изображено в фильме в виде откормленного как будто на заклатие, плывущего вместе со всеми на пароходе попа, не сказавшего за всё время ни слова, в чём, кстати, что-то похожее на историческую правду есть. Такие и в самом деле никого и ничему научить не способны, и если таких было большинство, стало быть, и жалеть не о чём. Как известно, церковь не в брёвнах, а в рёбрах. И в этом смысле прав Блок: «от кого» когда «упас золотой иконостас»?

В связи с этим припоминаю слова отца Николая Гурьянова с Псковского острова Талабского, сказанные им в приватной беседе на маленькой, но очень уютной кухоньке. Кто-то из присутствующих поделился со старцем радостным известием о том, что вот, мол, по всей стране буквально из руин восстают храмы, на что батюшка, тяжело вздохнув, заметил: «Храмы-то восстановят, а вот про людей забудут».

Не то же ли самое происходило перед революцией? Храмы росли, как грибы после дождя. Именитое купечество на это денег не жалело (впрочем, на революцию тоже), щедро золотя кресты, купола, киоты, и прак-

тически в упор не замечало нужды простых людей, наживаясь в том числе и на дешёвой рабочей силе. И об этом немало написано. И одни во всём винят лукавых деятелей с Уолл-Стрит, другие, как в перестройку, видят причину в системном застое, третьи в отходе от веры отцов, не давая тому никаких объяснений, всю вину слагая на жестоковыйный народ и образованных развратников, четвёртые усматривают причину в кризисе самой Церкви. И все, наверное, по-своему правы. Всё это имело и, видимо, до сих пор имеет место в российской действительности.

Но потеряли всё-таки что?

Тот же отец Николай Гурьянов на вопрос, воскреснет ли Святая Русь, не задумываясь, ответил: «А она и не умирала никогда».

Стало быть, ещё ничего не потеряно? А что относительно массовости, так её и при самодержавии не было. Более того, по этому поводу Достоевский, например, делает такое замечание. Откуда нам знать, утверждает он, сколько нужно истинных делателей, чтобы во всём народе не умирала вера в Христа? И потом, массового коммунизма мы наелись в своё время досыта. И не это ли стало одной из главных причин крушения державы? Нельзя же, в самом деле, на протяжении десятилетий (да ещё каких!) с артистическим задором петь: «Будет людям счастье, счастье на века. У советской власти сила велика. Сегодня мы не на параде, мы к коммунизму на пути, в коммунистической бригаде с нами Ленин впереди!»

Но вернёмся к Белграду...

Город разделен притоком Дуная, Савой, на старый и новый. Старый, как и наш Нижний, зиждется на слиянии двух рек, высокие берега которых увенчаны каменными крепостями, только в Белграде она именуется «Старой крепостью», у нас — «Нижегородским кремлём». Архитектура старого города практически сплошь старинная. Улочки узенькие, однако пробок нет. Сразу отметил, что улицы многолюдны, очевидно, сербы любят ходить пешком. Метро отсутствует.

Плутаем в поисках нашего отеля с непонятным сербским названием «Majestic» (ударение на второй слог). Наконец подъезжаем к началу коротенького бульвара, с обеих сторон заставленного летними шатровыми кафе. Пока ехали, читал названия улиц: «Святого Саввы», «Царицы Натальи» (это уже в переводе на русский, что и без перевода понятно). Ни одной улицы с коммунистическим названием! Может быть, во времена объединённой Югославии, в которую входила тогда Сербия, были, не знаю.

Гостиница «Majestic»...

Распределение по номерам. Мой на сербском звучит по-церковнославянски: «четыредесятодин» (сорок первый). И тут же припоминается великопостная «Четыредесятница». Для знакомого с языком церкви всё в основном понятно.

Договариваемся о времени сбора внизу для поездки на торжественное открытие книжной ярмарки (26 октября в 17.30 по местному и в 20.30 по старомосковскому, прошу заметить) и расходимся по номерам. Перевожу дух.

На ярмарку отправляемся на такси. Садимся, показываем водителю листочек с названием. Накинув очки, водитель тут же восклицает: «Саям! Знам!» «Саям» по-сербски «книга». И буквально за десять минут доставляет нас до места. В качестве справки: 1 евро тогда стоил 118 сербских динар. Разменяв по две сотни, сразу становимся богачами.

Вход на открытие ярмарки для всех, в том числе и для опоздавших участников, платный — 150 динар. Нам, к сожалению, всё своё книжное богатство пришлось тащить на себе, а это, как минимум, 23 килограмма без учета ручной клади. На мне «гранатомёт» (штатив, который в каждом аэропорту и железнодорожном вокзале приходится расчехлять и показывать), сама камера, да ещё 20 килограммов книг. Вечно-то, искусства ради, я навьючен, как магарац по-сербски, а по-русски не скажу, потому что обидно.

Первое, что удивляет, — толпы народа, текущие к павильону. Было уже темно, однако в свете уличных фонарей я без труда разглядел в том числе и молодые, совсем ещё юные лица.

«На открытие поглазеть идут, — язвительно проносится в голове. — Молодежь любит шум, маскарад, фейерверки...»

Вторым удивлением, ещё по мере приближения к павильону, поскольку с обеих сторон тротуара стояли фотографии прибывших на ярмарку писателей, был, конечно, китайский стенд. Китай в этом году почетный гость ярмарки. И размах представленной литературы нас поразила. И главное — столько литературных имен, столько названий издательств!

Ищем наш стенд и, наконец, натываемся на весьма скромное, окрашенное в цвета Российского флага сооружение, занимающее в самом дальнем углу весьма скромное пространство. Да и то, как сразу заметили, наделённое немногочисленными полками было сплошь заставлено детскими раскрасками.

Мы сразу приуныли. А я подумал с горечью: «Это вам не хоккей!»

Потолкались-потолкались и до утра сложили свои книги в хозяйственном закутке.

Зато оттуда, из закутка, активно выносилось «игривое и шипучее», конфеты, пластиковые стаканчики. Толпились привезённые для этой цели из Московии девчата с ребятами в косоворотках и расшивных сарафанах. Со всей ярмарки сбежались послушать русские народные песни и выпить шампанского. И песни, как и шампанское, лились рекой. И это понятно, сегодня воскресенье, выходной, а вот что понедельник покажет...

В гостиницу прибыл таким уставшим, что, казалось, без пробуждения проспал сутки. Однако проснулся, как по тревоге, по старомосковскому времени. В 6.00 сходил на завтрак (роскошный шведский стол) и вышел на улицу.

Свежо. Около шести градусов тепла. Крутом ещё зелень. Выхожу на пешеходную улицу князя Михаила и поворачиваю к «Старой крепости». Несмотря на ранний час, улица потихоньку оживает.

И тут со мной начинает происходить нечто фантастическое. Разумеется, вся улица сплошь в стеклянных витринах. Но буквально через каждые двести шагов то с одной, то с другой стороны — книжные магазины, а в переулках лоточки с теми же книгами, и всё книги, книги и книги... Всякие — светские, религиозные, букинистические, детские, научные... Если бы не покупали, и не торговали бы. На нашей «прогулочной» Большой Покровке такое можно было увидеть только в начале девяностых, когда книга была в дефиците. Сейчас на всей улице всего два небольших магазина, как два антагониста — светский и православный. В Белграде и то и другое в одном месте.

Дохожу до «Старой крепости». Ныне она музей, в отличие от нашего «Нижегородского кремля», да и в масштабе значительно уступает, но всё очень ухожено, вдоль тротуаров — частные лотки с туристическими безделушками.

Посмотреть крепость времени не хватает. Следую, руководствуясь картой, на автобусную остановку. Сажусь в автобус и, не найдя кому заплатить за проезд, «зайцем» буквально за пятнадцать минут без обычных не только для Москвы, но и для родного Нижнего утренних пробок доезжаю.

Прибываю на час раньше (спутал время). Выпиваю чашку кофе под зонтом выездного кафе. Повара приветливо улыбаются, говорят: «Руси? Братья!» Не умолчу, слышать приятно.

В 9.30 оказываюсь в павильоне. Складываю в стопы никому не нужные раскраски и расставляю свои книги.

И вскоре со мною начинается второе чудо (первое — с книжными магазинами и лотками)!

Судите сами. Понедельник — рабочий, учебный будничный день. Но ровно с 10.00 буквально потоком, как гунны, рекой хлынули толпы молодежи, детей, взрослых. И самое удивительное, что только малые дети — за ручку с мамами или бабушками, школьники же, студенты и молодые семьи шли без всякого «барабанного» сопровождения, «са-мо-сто-я-тель-но». Я грешным делом даже подумал: «У них что, во всё время ярмарки выходные дни?»

Достаю планшет, нахожу, читаю: «Главный бренд Сербии — Белградская книжная ярмарка». Вот оно что! Так это государственная политика! Так вот почему так одухотворенно прекрасны лица сербов. А какие у всех живые глаза! А с какой заинтересованностью, как под гипнозом, сидят они на презентациях! А какие удивительные имена у женщин — Душица, Милица, Славица!

И с этой минуты, сколько бы ни пытался, проснуться не смог! Это было какое-то чудо! И скептически настроенный Михаил Гринин в тот же день донимал всех вопросом: «Почему?» Почему у них есть, а у нас нет? И сколько бы его ни убеждали, что это государственная политика, не хотел этому верить.

— При чём тут политика? Вы посмотрите, сколько молодежи! Что молодежи до политики?

И молодежь действительно, вся от мала до велика во все дни ярмарки, как я уже сказал, заморожено сидела на презентациях, листала книги, покупала их, складывая в разбухающие от тяжести пакеты и сумки, горячо что-то обсуждала, что-то друг другу зачитывала из тех же самых книг. Даже малые дети, пришедшие с бабушками или мамами, внимательно оглядев стенд с книгами, подходили и своими прозрачными пальчиками указывали на какую-нибудь красочную обложку, и тут же раскрывались кошельки, и малыш, прижав к груди, как драгоценный подарок, книжку, с неподдельной радостью и сияющими глазками топал дальше. Не знаю, что в такие минуты происходило со мной. Простите, но мне просто хотелось выть. Может быть, оттого, что у меня самого девять детей и тринадцать внуков, может быть... А может быть, просто от белой зависти...

А теперь скажите, как такой народ не полюбить? Народ, который так неподдельно искренне любит то, что мне самому дорого с раннего детства. Что именно? Да хотя бы это: «У лукоморья дуб зеленый, Златая цепь на дубе том...»

И ещё...

За всё время пребывания ни на ярмарке, ни в автобусе, ни на улице, ни в одном кафе я не видел ни одного молодого человека с «айфоном» или «планшетом». Специально для этой цели ходил вечером по богемной улице князя Михаила, где обыкновенно собирались толпы молодёжи, и ни один из молодых людей ни разу не вынул сотовый телефон, чтобы «побазарить с корешем или чувихой». Такое впечатление, что они специально (чтобы не докучали родители, например) оставляют их дома и виртуальному общению предпочитают живое. Воду пьют прямо из фонтанов, расположенных посреди улиц — поилками называются. Оказывается, Сербия в экологическом плане самая благополучная страна Европы. Продукты, судя по российским ценам, значительно дешевле. Вообще, всё кажется дешёвым, кроме, разве, книг, которые приблизительно в цене наших. И покупают! Да просто метут!

Как известно, разложению нации предшествует разложение культуры. Мы это переживали не однажды. И тем не менее уже в который раз наступаем на те же грабли. Нет, одним спортом Россию не спаять. Опасение за судьбу отечества тоже явление временное. Любые опасности рано или поздно минут, и что тогда? Опять разделения на левых и правых? Соревновательности ради, положим, всё это вполне допустимо. Но разве это крепит нацию? Прошу заметить, со Слова, которое было вначале, а не с рая небесного, а тем паче земного всё началось. В любом народе это

понимают, кроме современной России. Хотя в последнее время у нас и заговорили о культуре, о литературе, о значении русского языка... Что из всего этого получится, пока не ясно, поскольку во всех этих начинаниях, к сожалению, пока больше набившей оскомину чиновничьей показухи, на существенные шаги, как и прежде, не хватает средств.

Иду в сторону второго, сербского, павильона. Он один, двухэтажный, круглой формы, занимает площадь, превышающую всю Московскую ярмарку. Второй этаж практически полностью занимает букинистическая книга. У нас во всём двухмиллионном Нижнем всего лишь в двух антикварных магазинчиках в виде сопутствующего товара такими изданиями торгуют, и я в них редкий, но постоянный покупатель.

Первое, что бросается по пути в глаза, портрет одной из самых популярных авторов Сербии Лиляны Хабьянович-Джурович. Шесть её романов уже переведены на русский. Сразу спешу заметить: широкую известность ей принес роман о Праскеве Пятнице, особо почитаемой в Сербии святой. Роман выдержал 29 изданий. Второй роман на ту же духовную тему «Игра ангелов» также переведён на русский и тоже выдержал 30 изданий. Я взял у Лиляны интервью. Мы познакомились с ней в прошлом году на литературном форуме «Золотой Витязь», бессменным президентом которого является народный артист России Н.П. Бурляев. Замечательная, по-своему красивая женщина перед началом интервью поставила на стол икону своей небесной покровительницы — Праскевы Пятницы, напомнив, что сегодня день её памяти. Всё свое предшествующее этому роману творчество, роману, замысел которого родился в церкви, у иконы святой, Лиляна относит к разряду «исповеди». Отныне — только «славословие», свет, «его же не объемлет тьма». И свет этот в её романах очевиден. Пока «делали» интервью, собрались очередь молодых людей, все с книжками в руках, хотят получить на память автограф. И позже, проходя мимо, я наблюдал ту же нескончаемую вереницу почитателей творчества Лиляны.

И ещё одну деталь отметил на ярмарке. Те из наших современных писателей, которые любят ездить в Париж и там выдавать себя за ведущих авторов современной России, в Сербии не котируются. Та же Лиляна в своем издательстве выпускает книги только «державно мыслящих». Переведены на сербский и постоянно в продаже книги Валентина Распутина, Владимира Крупина, Александра Сегеня...

Более того, религиозные издательства занимают чуть не треть всего сербского павильона. Но и в каждой светской издательстве, наряду с обычной художественной и детской литературой, имеются книги религиозного содержания. Я не хочу сказать, что такие уж они набожные. Ни одной девушки в удлиненной юбке или тёмном платочке я не заметил, и вообще — никакого выпячивания своей мнимой религиозности. Она у них какая-то радостная, что ли. И это заметно по отсутствию макияжа на молодых девичьих лицах. И одеты скромно, без «выпендрежа». В носы ничего блестящего не вставлено. Впрочем, как и вся Европа, ходят в качественной, удобной, а не в модной одежде. Наши колхозницы, например, каждую неделю меняющие цвет волос, стоически выпыпывающие брови, с бусами на носах, тут напоминали бы туземцев, которые, как известно, падки на подобные побрякушки. Естественная красота — вот что бросается тут в глаза и чарует сильнее любого макияжа и «художеств».

Разве это не чудо?

К слову не могу не вспомнить преподобного Иустина Поповича, энергия писаний которого поражает даже в самом плохом переводе. Увы, но только он, серб, смог сказать такое:

«В мире наших трагичных земных относительностей Достоевский — это боговдохновенный пророк и апостол абсолютной Красоты... В своих пророческих видениях Достоевский видит всех людей всех времен, связанных между собою единою судьбой. Таинственным, но в то же время

весьма реальным образом все люди присутствуют во всяком человеке и всякий человек — во всех людях. Отсюда происходит ответственность каждого человека за всех и вся на земле...»

Всё это, повторяю, сказал не простой, а ученый монах, окончивший Санкт-Петербургскую духовную академию и теологический факультет Оксфордского университета, знавший шесть языков, сказал после того, как познакомился со статьей Константина Леонтьева (тайного инок знаменитой Оптиной пустыни), в которой тот в пух и прах разнес знаменитую «пушкинскую речь» русского гения.

Предвижу возражения. Дескать, идеализирую. Но я далеко не наивный мальчик, чтобы не понимать, что есть и проблемы. Но скажите, а где их нет? И церковный раскол в Сербии имеется. Тут же, на ярмарке, во все внутрицерковные дела был сразу же и посвящён. У стенда с моими книгами, кстати. Подошёл сербский монах с представительницей из России «Русско-Сербского братства святых царя Николая и владыки Николая Сербского», и меня во всё это тут же окунули. Только местному «раскольнику» никто не запрещает служить, никто не отбирает здания церковные, не извергает из сана. А всё потому, что за ним стоит народ, а мнение народное, даже если оно не вполне совпадает с мнением официальной церкви, власти Сербии не на словах, а на деле уважают. Насильно духовного единства не осуществить. И это тут, видимо, хорошо понимают. Вообще, привыкли уважать свой народ, не в упрек нынешней российской власти сказано. Выбранный курс на политическую самостоятельность я разделяю. Но такого доверия к народу, который, конечно, может заблуждаться в частностях, но в главной сути — никогда, я в России, а тем более, внутри церковных стен не видел.

Созерцал в Белграде разрушенные бомбежками многоэтажные дома. Оставили в качестве назидания потомкам как иллюстрацию демократических свобод по-американски. У тех ведь не заржавеет. И всё это рецидив старой хронической болезни ещё со времен крестовых походов, инквизиции да молота ведьм. Везде-то им чудятся стриги да ведьмы. И новоявленные рыцари, как и прежде, при поддержке огня и меча пытаются покорить под свою власть якобы отсталые, не ведающие истинной свободы народы. Но что удивительно, ни один народ не пожалел ни сил, ни самой жизни, чтобы отстоять право жить не по-американски.

Сербы в этом смысле не исключение. Как известно, в ходе Первой мировой войны Сербия потеряла до трети населения. В период Второй мировой войны с апреля 1941 года находилась под оккупацией немецкими войсками, а часть территории была передана Венгрии, Болгарии и Албании. К 1945 году Сербия была освобождена Советской Армией, партизанскими и регулярными отрядами Народно-освободительной армии Югославии. И это моему поколению хорошо известно из учебников истории, а вот о «Ледяной голгофе» мы тогда не знали ничего. Нам вдалбливали в головы, что содружество наше основано на коммунистических идеалах, и никто из нас не знал, что в 1915 году со своим престарелым королём Петром сербы призывного возраста ушли в горы, чтобы избежать мобилизации и не попасть на фронт, где поневоле пришлось бы стрелять в русских братьев. Каждый третий в том ледяном переходе погиб от холода и голода, а сама сербская армия была вывезена на остров Корфу по требованию императора Николая II, заявившего, что, если этого не случится, Россия выйдет из Антанты. Однако после войны простому сербскому народу пытались внушить, что спасение это стало возможным благодаря особому расположению к Сербии Франции. Впрочем, склонности к фальсификации истории у бывших союзников не занимать.

На самом же деле вот как всё это происходило.

Сербскими войсками и гражданскими лицами, как уже было сказано, был преодолён горный путь от Метохии до побережья Адриатического моря. Прибытие на Адриатическое побережье Албании ещё не означало окончательного спасения. Лишь после того, как 15 января

1916 года Никола Пашич (премьер-министр Королевства сербов, хорватов и словенцев) обратился за помощью к Николаю II, а тот отбил телеграммы королю Великобритании и президенту Франции, в которых угрожал выйти из Антанты, французы отправили все свободные корабли для эвакуации сербских войск на греческий остров Корфу. Первые дни на острове были ужасны для сербов. Союзники не имели времени для того, чтобы подготовиться к приёму такого огромного количества народа (около 140000). Сказалась острая нехватка продовольствия, одежды, дров, палаток. К тому же и погодные условия не благоприятствовали из-за непрекращающихся дождей. Измученные солдаты сидели или бродили под проливным дождём в течение целой недели. Начались повальные болезни, приведшие к массовой смертности. Поскольку места для захоронения на суше не хватало, умерших хоронили прямо в море, приваливая тела камнями. Более 5000 человек были погребены таким образом недалеко от острова Видо, после чего те воды получили наименование «Синей могилы» (по-сербски «плава гробница»). Всё это в Сербии прекрасно помнят.

В понедельник вечером у нас была встреча с сербскими писателями в «Русском доме». Здание было приобретено ещё в царское время. После революции оно стало прибежищем, а впоследствии культурным центром русской эмиграции. Ныне это место, где регулярно проходят мероприятия по обмену культур братских народов. Более двухсот сербов постоянно занимаются на курсах русского языка. Русскоговорящих в Сербии достаточно. Впрочем, как я уже сказал, мы без особого труда понимали с братьями-сербами друг друга.

На встрече один из сербских писателей (окончил сценарный факультет ВГИКА) завёл речь об «эпохе Путина». Однако никто из нашей делегации тему эту не поддержал. Не потому ли, что для малого бизнеса эпоха эта не только ничего не дала, но чем дальше, тем больше под видом государственной помощи добывает его жалкие остатки? Ни одна из программ поддержки малого предпринимательства из-за чиновничьей волокиты и бумаготворчества не действует. Получить кредит, грант, особенно, в регионах, практически, невозможно. Да что там, даже в «Год литературы» региональные гранты по причине введения санкций сократились на треть. А правительство как будто тем только и озабочено, как бы ещё обобрать народ и тот же малый бизнес. Цены на всё продолжают расти. Книжный бизнес с каждым годом становится всё менее рентабельным, а большинство региональных издательств вообще дышит на ладан. Государственной поддержки книжной торговле никакой. Спрашивается, если книгу невозможно продать, для чего её издавать? А если всё-таки наскрести средств на малотиражное издание, о каком авторском вознаграждении может идти речь? Пожалуй, худшего времени ни для издателей, ни для писателей в России ещё не было.

О чём, в таком случае, говорили?

О том, кому и что в такое непростое время всё-таки удалось издать. Говорили о возможности взаимных переводов. И некоторые из наших издателей обрели для своих авторов переводчиков. А один из сербских авторов нашёл издателя в России. Что из всего этого получится, ещё никто не знал, но, как говорится, лиха беда — начало.

Многие считают, что связь Сербии с Россией начинается со времён святого Саввы. Свяитель принял постриг в русском монастыре святого великомученика Пантелеимона на Афоне в юном возрасте, приблизительно в последней четверти одиннадцатого века. С тех пор во всех войнах сербы были нашими союзниками. Болгария, например, в двух мировых войнах оказывалась в стане врага. Воевали против нас в Великую отечественную православные румыны. А вот сербы были с нами даже в Русско-японскую войну, когда одно из тогдашних сербских государств, Черногория, объявило войну Японии. 22 июня 1941-го года, когда фашистская Германия напала на Россию, вся Сербия поднялась на борьбу

с оккупантами. Более того, сербы всегда осознавали себя щитом России, в том числе и в последнюю войну 1999 года. Надписи на сербских домах во время бомбардировок Белграда тому свидетельство: «Русские, не бойтесь, Сербия с вами!» Как заметил посетивший Россию в «Царские дни» 2012 года Сладжан Арсач: «Мы, сербы, всегда верили в двух Богов — в Христа на небе и православную Россию на земле».

Даже в сталинские времена, когда отношения с Югославией были враждебными, простые сербы помнили о России. Десятки тысяч из них приняли страдания за верность ей. Их огульно записывали в сталинисты. Какой-то процент коммунистов среди них, разумеется, был, однако большинство составляли православные сербы, никогда не принадлежавшие коммунистической партии. Те и другие содержались на Голом острове, в концлагере, на одном из островов Адриатического моря, где многие умирали под палящим солнцем от непосильного труда и издевательств охраны. В те годы в Югославии была развёрнута кампания по борьбе с великосербским гегемонизмом, и любой серб мог стать её жертвой. Особенно это отразилось на Косове. За несколько столетий турецкого ига православное сербское население из Косова выдавлено не было и составляло большинство в XX веке. Однако за время титовского богоборческого и антиславянского режима соотношение коренным образом изменилось. Именно в то время были заложены основы будущей косовской трагедии. Тито и Моша Пияде (член исполкома Союза коммунистов Югославии, активный противник Сталина) сумели сделать то, что было не по плечу даже туркам.

Благодаря их стараниям наступили времена, когда в процессе распада Югославии в начале 90-х годов, в разное время были развязаны гражданские войны и этнические конфликты на территории всех шести республик СФРЮ. Самой ожесточённой и масштабной была война в Боснии и Герцеговине 1992 — 1995 годов. Эскалация конфликта последовала после референдума о независимости республики, который прошёл 29 февраля 1992 года без участия сербов. Его результаты были отвергнуты лидерами боснийских сербов, создавших свою собственную республику. После провозглашения независимости началась гражданская война, в которой сербам пришлось воевать с боснийцами — мусульманами и хорватами. Военные формирования мусульман подвергли атакам мирное сербское население и объекты Югославской народной армии. В боевые действия втянулись отряды сербских ополченцев, негласно поддерживаемые ЮНА.

Несмотря на политику невмешательства со стороны тогдашнего руководства ослабленной перестроечными реформами России, простые русские люди не могли остаться в стороне.

Первые русские добровольцы появились на стороне сербов в начале конфликта.

В то непростое время Заглавак был стратегически важной, главенствующей высотой. На протяжении нескольких месяцев нашим добровольцам дважды удавалось захватить высоту, пока не закрепились на ней основательно в начале марта 1993 года, отбивая периодические атаки мусульман. Противник мобилизовал все силы, чтобы ликвидировать присутствие сербско-русских добровольцев в этом районе. Самым крупным и драматическим сражением за высоту стал бой 12 апреля 1993 года.

Ночью, под прикрытием сильной метели, мусульмане стянули значительные силы к основанию высот Заглавак и Столац. На штурм были брошены лучшие части, состоящие в том числе из наёмников и «борцов за веру». Противнику довольно быстро удалось взять Столац. Одновременно вёлся артиллерийский обстрел Заглавака, после чего был дан сигнал к штурму. Десяток русских добровольцев и несколько сербов приняли бой. К 8 часам бой был в самом разгаре. Над Заглаваком развевался русский флаг, поставленный две недели назад казаками. Волна за волной боснийцы с криками бросались на приступ.

В перерывах между атаками на высоту обрушивался шквальный огонь артиллерии. Отряд нёс потери. Он мог отойти, высота находилась почти в окружении, но никто не дрогнул и не отступил. Бой продолжался около пяти часов. Несмотря на все усилия, противник не смог занять ни один из склонов. А прибывшее подкрепление помогло отбросить неприятеля на исходные позиции. Мусульмане потеряли в том бою 80 бойцов, в их числе командира бригады, более 100 были ранены. Для той войны такие потери в ударных подразделениях считались существенными, противник был надломлен.

Как известно, конфликт завершился соглашением 21 ноября 1995 года на военной базе США в Дейтоне, штате Огайо. Сербы были вынуждены сесть за стол переговоров, поскольку в августе — сентябре 1995 года авиация НАТО провела воздушную операцию «Обдуманная сила», нанеся удары по позициям боснийских сербов. Эта операция изменила военную ситуацию в пользу мусульманско-хорватских сил, сербское наступление было остановлено.

Дейтонские соглашения предусматривали создание Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской, ввод миротворческого международного контингента под эгидой НАТО. Сербы получили 49 % территории, боснийцы и хорваты 51 %.

По приблизительным подсчетам различных государственных учреждений и ветеранских организаций Республики Сербской общее число русских добровольцев, прошедших войну 1992 — 1995 годов, не превышало пяти-шести сотен человек. Известны имена 50 погибших русских воинов. Это немного, но в Сербии все знают о том, что русские появились в самый тяжёлый момент, когда силы сербов значительно уступали противнику по численности, боевой дух слабел. Своей храбростью и жертвенностью наши добровольцы оказали мощнейшую моральную поддержку, вдохнули новые силы, подняли боевой дух сербов и помогли им отстоять и защитить своё жизненное пространство.

И вот теперь настало время отвоёвывать оное нам, слава Богу, пока не на своей территории, но причины и цели начала конфликта одни и те же. И хочется верить, что на этот раз мы не уступим, поскольку, как говорится, хоть и «велика Россия, а отступать некуда».

5 ноября 2011 года в Вышеграде был установлен памятник русским добровольцам, погибшим в Отечественных войнах сербского народа 1991 — 1999 годов. Знаменательно, что памятник поставлен именно в Вышеграде — городе, в котором воевало три русских добровольческих отряда. В городе, где к памяти русских добровольцев относятся с большим почтением, всегда можно увидеть на могилах русских добровольцев зажжённые свечи. Весь город в тот памятный день вышел, чтобы почтить память своих защитников, приехавших из далекой России, чтобы защищать Православие на сербской земле.

И хотя в нынешних СМИ о том ни слова, в виде права на самоопределение, последнее, на мой взгляд, защищается ныне уже во вселенском масштабе...

На встрече с сербскими издателями говорили в том числе и о реализации совместных проектов, начало которым было положено на недавней Московской книжной ярмарке, когда впервые был организован стенд с режущим либеральное ухо названием «Славянский базар». Не это ли событие впоследствии стало негласной причиной отставки руководителя Московской книжной ярмарки? Во всяком случае, ни о каком «славянском книжном развале» на последней ярмарке уже и речи не шло. Не думаю, что от недостатка средств. Как опасно, оказывается, для мирового сообщества, под каким бы то ни было предлогом, «объединение славянства».

К сожалению, нам было отпущено всего три дня, но перед отъездом я всё-таки попросил поделиться впечатлениями всех наших издателей. Это происходило в ожидании всё того же посольского микроавтобуса

перед фасадом ставшей чем-то родной гостиницы «Мажестик». Все говорили примерно одно и то же: сербы как будто открыли в нас второе дыхание. А Михаил Гринин сказал: «То, что увидел, вселяет надежду, что ещё не все потеряно».

По пути в аэропорт беседовал с водителем-сербом. Он объяснил мне происхождение сербских женских имён. Душица, например, происходит от слова «душа». Славица от слова «слава». И тут же стал рассказывать о сербском празднике «Крестной славы». «Крестная слава», оказывается, одна из главных отличительных особенностей Сербского Православия. «Крестной славы» не знает ни один из христианских народов. Этот праздник связан с домом, семьей. Более того, «Славу» (то есть своего небесного покровителя, в честь которого возносится это славословие, ныне имеет, оказывается, каждое предприятие Сербии). С давних времён в день семейного покровителя сербы собираются вместе. Торжество проходит перед иконой святого покровителя. Зажигается восковая свеча. Посередине стола находится главный атрибут «Славы»: каравай, кутья и вино. Хлеб выпекается из пшеничной муки с украшением: Крест и буквы «ИСХС НИКА», что означает Иисус Христос Победитель. Славский хлеб — символ прославления Господа нашего Иисуса Христа, ибо он есть Хлеб истинный, спшедший с небес. Праздник «Славы» продолжается три дня. Первый день — навечерие, в который идёт подготовка к главной церемонии. Главный — второй день. В этот день все участники стараются посетить церковь, чтобы причаститься, или приглашают в дом священника. В третий день провожают гостей. Каждый дом или семья имеют свой день «Славы», который передаётся из поколения в поколение как наследство.

«Святой, которого мы чтим, — говорят сербы, — является нашим заступником и молитвенником пред Богом. Он хранит нас и своим невидимым присутствием помогает в жизненных обстоятельствах. Он является нашим учителем, который призывает нас идти по пути, которым сам прошёл по земле, угождая Богу».

— У нас хранят эту традицию по завещанию предков неукоснительно практически все, — говорит водитель, и я думаю: «Какая прекрасная традиция!»

Нас провожали друзья из «Русского Дома».

Расставиться не хотелось, и всем нам хотелось во что бы то ни стало вернуться и увидеться хотя бы ещё раз. Ведь в 2015 году Россия почётный гость знаменитой белградской «Саям».

Во время полёта думал о Сербии, которая почему-то представлялась крохотным островком в бушующем океане Европы. И однако же, несмотря на свою малость, островок этот казался мне таким же неизбежным и обязательным в судьбе мира, как традиционный каравай «Крестной славы».